

Облик русского священника: к истории длинных волос

[Вероника Макарова](#)

Ряса с широкими рукавами, борода и длинные волосы представляются сегодня абсолютно неотъемлемыми атрибутами православного "батюшки". Именно таким священник стал устойчиво ассоциироваться с Русской православной церковью не только в России, но и за ее пределами. Однако подобная традиция сформировалась лишь в середине XIX века, в то время как ранее священникам полагалось выстригать маковку и стричь волосы "в кружок", что должно было символизировать двойной терновый венец Христа. Ношение же длинных волос противоречило соответствующим указаниям в ряде священных текстов. Публикуем статью Вероники Макаровой "Облик русского священника: к истории длинных волос", в которой речь пойдет о традиции власоращения в истории Русской Православной Церкви, в частности, о спорах вокруг законности и целесообразности этой традиции, а также о предписаниях священникам по поддержанию соответствующего их сану внешнего облика. Статья опубликована в журнале ["Теория моды. Одежда. Тело. Культура"](#) (2007. N 4).

Эти заметки посвящены священническому обычаю "растить власы" – от самых ранних свидетельств о нем и до наших дней, спорам вокруг законности и целесообразности этой традиции, а также должному и предосудительному в отношении священников к своим волосам. Можно сказать, что эти заметки – о власоращении духовенства в истории Русской Православной Церкви.

Две традиции

Начнем, однако, с того, что в Русской Православной Церкви власоращению предшествовал другой обычай – выстригать волосы на темени. На Русь эта традиция пришла из Византии, где, как и повсеместно, существовала по меньшей мере с VII века. Считается, что, при наличии некоторых свидетельств более раннего периода (см.: Руднев 1870: 113; Правила 1994, 1: 496), именно 21-е правило VI (Трулльского) Вселенского собора (692 г.) дает основание полагать, что обычай клира стричь волосы особым образом был к этому времени общеизвестным и общепринятым. Это правило предписывало низложенным, но раскаявшимся священнослужителям: "...да стригутся по образу клира". Как именно состоящие в клире стригли себе волосы, правило не уточняет, однако авторитетные толкователи склонны видеть здесь указание на так называемое гуменцо, или

папалитру – выстриженное место на темени (Правила 1994, 1: 496). Подобным же образом комментирует это правило и славянская Кормчая книга XIII века: "...презвитер или диакон, аще будет от сана извержен, честь же да имать и седалище, якоже и прочии сущии в причте, главу да постригают, *рекше сущее на главе гуменце*" (Руднев 1870: 115).

Прическа клириков предполагала выстрижение волос сверху, на темени, и подстрижение их снизу "в круг". В писаниях святого Софрония, патриарха Иерусалимского, скончавшегося незадолго до открытия собора, можно найти следующее толкование подобного обращения с волосами: "Кругловидное острижение волос на главе священника означает терновый венец, а двойной венец, образуемый волосами, изображает честную главу верховного Апостола, которую в насмешку остригли ему неверовавшие и которую благословил Христос" (Руднев 1870: 114).

На Руси выстриженная маковка клириков получила название *гумёнце* (ст.-слав. *гоумьньце*) или, как еще говорили, *обросение*. Слово "гуменцо" образовано от слова "гумно" (Фасмер 1996, 1: 474), которое означает вычищенную и выровненную часть земли, предназначавшуюся чаще всего для молотбы хлеба. В просторечии священническое гуменцо именовалось *поповой плешью*. В официальной письменной речи допетровской эпохи слово *плешь* могло выступать как замена (синецдоха) названия самого духовного лица¹. Другое название священнослужителей, также связанное с гуменцом и образованное, вероятно, как калька с латинского *tonsuratus*, – *стрижники* (Фасмер 1996, 3: 778; Срезневский 2003, 3: 547; Голубинский 1997, 1: 579, сноска 2 со с. 578).

Обросение головы происходило во время посвящения в низшую степень клира и являлось важнейшей частью "чина поставления чтеца". После того как епископ совершал крестообразное пострижение волос (собственно постриг), кто-нибудь из клириков выстригал гуменцо². В ставленной грамоте чтеца XVI века значилось: "...да имать власть на клиросе петь и на амвоне прокимены глаголати и чести чтенья и паремьи и Апостол, имея верх пострижен, нося краткий фелонь" (Неселовский 1906: XL). Как внешний признак³ лиц духовного звания, гуменцо следовало поддерживать в течение всей жизни (или до момента лишения сана). Известны случаи, когда "попы-самоставы" выстригали себе маковку, чтобы внешне ничем не отличаться от истинных иереев (Руднев 1870: 116).

Сверху "плешь" прикрывалась специального покроя шапочкой, *скуфьей*, в просторечье – *плешегрейкой* (Даль 2000, 3: 333), или *наплешником* (Даль 2000, 4: 235), которая являлась знаком священства, не менее важным, чем само гуменцо. Вот что сообщал о скуфье Адам Олеарий, немецкий ученый, путешествовавший по России в 30-е гг. XVII в.: "Эту шапочку они (священники. – В.М.) в течение дня никогда не снимают, разве чтобы дать

себе постричь голову. Это священный, заповедный предмет, имеющий большие права. Кто бьет попа и попадет на шапку или же сделает так, что она упадет на землю, подлежит сильной каре и должен платить за "бесчестие". Однако тем не менее попов все-таки бьют. <...> Чтобы при этом пощадить святую шапочку, ее сначала снимают, потом хорошенько колотят попа и снова аккуратно надевают ему шапку" (Олеарий 1906: 330). Функции собственно головного убора, необходимого для защиты от непогоды, выполняла шляпа или шапка, которую священники надевали поверх скуфьи. Если архиерей снимал с головы священника скуфью, это означало лишение сана.

Как долго практиковалось выстрижение гуменца, с точностью сказать невозможно. И "Скрижаль", изданная при Никоне (1656 год), и постановления Московского собора, бывшего при следующем патриархе Иоакиме (1674 год), свидетельствуют, что гуменцо как и раньше продолжало наделяться особым символическим смыслом и трактоваться как "венец Христов". Между тем, исследователь чинов хиротесий и хиротоний⁴ А. Неселовский утверждает, что требование выстригать ставленнику "клирическую тонсуру" исчезает из чина поставления чтеца во второй половине XVII века, после того как при патриархе Иоакиме были сделаны исправления архиерейского чиновника⁵. "Форма клира", по его словам, "состояла уже в ношении длинных волос" (Неселовский 1906: 58-59). Между тем это с трудом согласуется с постановлением Московского собора, бывшего при том же патриархе: "...протопресвитери и протодиаконы, иереи же мирстии и диаконы должны ходить во скуфиях, во знамение священного духовного их чина и рукоположения архиерейского, на главах же имети *прострижено зовемое гуменцо немало*, власы же оставлять по круглости главы, еже являет терновый венец, его же носи Христос" (Голубинский 1997, 1: 579, сноска 2).

По мнению Е.Е. Голубинского, "острижение же или выстрижение верха головы (гуменцо) оставалось <...> никак не менее, как до начала XVIII в." (Голубинский 1997, 1: 580). По другим сведениям, гуменцо продолжали выстригать и во второй половине XVIII века, то есть спустя по меньшей мере сто лет. Об этом свидетельствуют, во-первых, ставленнические дела Московской духовной консистории, из которых видно, что пострижение гуменца сохранялось и по-прежнему сопровождалось взиманием так называемых "простригальных" денег (по гривне "с плеша"), и, во-вторых, воспоминания митрополита Филарета, лично встречавшего попов "с плешью" (Руднев 1870: 116-117). Таким образом, вопрос о том, когда практика выстригать гуменцо была совершенно оставлена, по-прежнему остается открытым.

С изменением отношения к гуменцу меняется и символика скуфьи. С 1797 года бархатная фиолетовая скуфья становится наградным знаком. Черная скуфья теряет свой "высокий" смысл и приравнивается к шляпе, необходимой при совершении треб на открытом воздухе; как не составляющую богослужебного облачения, скуфью даже не разрешено полагать на престол (Булгаков 1913: 782, сноска 4).

Что касается моды на длинные волосы, то пришла она, вероятно, из Греции и произошло это "не без влияния монашества" (Теодорович 1927: 13). Судя по всему, распространение новых веяний происходило постепенно и стихийно, без специальных на то распоряжений. И прежде чем полностью вытеснить прежний обычай обросения, власорастение пережило долгий период сосуществования с устоявшейся практикой выстригать маковку. Как было сказано выше, традиционно выстрижение гуменца предполагало и периодическое подстрижение волос "в кружок", однако со временем на Руси практика подстригать волосы была оставлена. По мнению Е. Голубинского, произошло это "не во времена Киевские или домонгольские, а во времена уже Московские" (Голубинский 1997, 1: 580). Во всяком случае XVII век предоставляет уже множество примеров сосуществования обеих тенденций: не стричь волосы, но выстригать гуменца. Наиболее яркие из них – воспоминания иностранцев. В частности, Олеарий сообщал о священниках следующее: "Волосы вверху на голове у него (священника. – В.М.) остригаются, и надевается шапочка, именуемая "скуфьей" <...>, вокруг которой остальные волосы длинно свисают на плечи, как у женщины" (Олеарий 1906: 330). Похожие сведения дают и воспоминания архидиакона Павла Алеппского, в 1656 году путешествовавшего в Москву вместе со своим отцом, антиохийским патриархом Макарием: "Волос на голове они не бреют, за исключением большого кружка посредине, оставляя прочие длинными, как они есть" ([Павел Алеппский] 1898: 97). Между тем к концу XVIII века описания иностранцев уже умалчивают о наличии у священников гуменца, зато подчеркивают особую длину волос. Так, Джон Перри писал, что "только у одних священников или попов для различения от прочих людей было обыкновение отпускать на голове длинные волосы, спускавшиеся на спину" (Перри 1891: 126).

К середине XIX века традиция выстригать маковку была совершенно оставлена. О священниках, которые "во всю жизнь поддерживали гуменце", помнили лишь "старожилы" (Сказания 1847: 118), со смертью которых, вероятно, уходят в прошлое и воспоминания о "терновом венце". Уже в 70-х годах, спустя двадцать лет, священник В. Руднев написал: "Что такое попово гуменце, ныне знают не многие" (Руднев 1870: 112). К этому времени окончательно оформляется известный и поныне тип православного "батюшки" – одетого в

рясу с широкими рукавами, носящего бороду и длинные волосы. Именно таким священник стал устойчиво ассоциироваться с Русской православной церковью не только в России, но и за ее пределами.

При отсутствии прочих атрибутов принадлежности к духовному званию именно длинные волосы, бывшие всегда "при себе", обличали в мужчине священнослужителя. Вот характерное описание из сельской жизни: "На пашне причт мой отличить от мужика нельзя было ничем, такая же плохенькая лошаденка, такой же кафтанишко, сапожишки и пр.; единственное отличие – что из-под шляпенки выбивались прядями длинные волосы" (Розанов 1882: 63). В повседневной жизни священники заплетали косы и укладывали волосы в пучки. С лишением сана волосы обрезались (Малеин 1910: 7).

В поисках благочестивости

Чтобы понять причину дошедших до нас споров вокруг власоращения, следует, прежде всего, помнить, что изменения эти принадлежат к области обычая, традиции. И у традиции выстригать гуменцо, и у традиции отпускать волосы до плеч были свои основания, но ни одно из них не имело силу закона. (Это, в частности, объясняет те затруднения, с которыми связано определение точного времени изменений в прическе.) Критерий, который определял приемлемость перемен, был в большей степени критерием благочестивости.

Принятая среди русских священников новая манера обращения с волосами была "хороша" уже в силу своего происхождения с православного Востока, от монашества. Однако для утверждения ее как бесспорно благочестивой требовались основания. Ситуация усугублялась тем, что против власоращения существовали серьезные доводы. Главный из них – слова апостола Павла: "Не сама ли природа учит нас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него; но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала" (1 Кор. 11: 14-15). Это последнее наставление более всего требовало аргументированных объяснений и всегда служило отправной точкой для критики длинных волос со стороны оппозиционеров (от старообрядцев до баптистов). Оно заставляло тревожиться и представителей официальной церкви, как мирян, так и священнослужителей, желавших знать, "не в противность ли наставлению Апостола Павла" "правило растить власы". Были и другие весьма веские причины оспаривать благообразие длинных волос: библейская заповедь священникам "и головы своей они не должны брить, и не должны отпускать волос, а пусть непременно стригут головы свои" (Иез. 44: 20), апостольские постановления⁶, 96-е правило Трулльского собора⁷ (с толкованием на него

Зонары и Вальсамона) и творения святых отцов, изобилующие примерами, осуждающими власоращение⁸.

Требовалось, таким образом, решить две задачи: в новом свете прокомментировать апостольское наставление (и прочие тексты, направленные против отращивания волос) и подкрепить традицию весомыми обоснованиями. Трудно сказать, как скоро был найден язык аргументации, однако во второй половине XIX века актуальность поставленных вопросов еще сохранялась. В свет выходят по крайней мере две статьи, призванные подтвердить благочестивость власоращения и разрешить все недоумения: "Нечто о ращении власов" (Нечто 1860; авторство приписывается митрополиту Филарету (Дроздову)) и "Нечто о поповских гуменцах" (Руднев 1870).

Аргументация сторонников власоращения сводится к следующему.

Основания для обычая носить длинные волосы в среде православного духовенства были найдены в Ветхом Завете, где был установлен особый чин назорейства, представлявший собой систему подвижнических обетов, среди которых фигурировал и запрет стричь волосы (Чис. 6: 5; Суд. 13: 5). Особый вес в связи с этим приобрел тот факт, что в Евангелии назореем назван Иисус Христос. Свидетельством особой длины волос Спасителя считался и Его прижизненный образ (икона "Спас Нерукотворный"); изображение Иисуса Христа с распущенными по плечам волосами является традиционным для иконографии.

Между тем причисление Иисуса Христа к назореем – вероятнее всего, следствие неточного перевода и некоторой путаницы, возникшей в связи с созвучием слов *назорей* и *назарейнин* 'житель города Назарета' (в церковнославянском переводе *Назорянин*), см. особенно: Ин. 18: 5, 19: 19; Мк. 10: 47; Деян. 2: 22, 3: 6. Прямое сопоставление этих слов есть в Мф. 2: 23: "[Иосиф] поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется пророчество реченное через пророков, что Он Назореем наречется" (в церковнославянском.: "Во граде нарицаемом Назарет: яко да сбудется реченое пророки, яко Назорей наречется"). Комментарии, однако, указывают, что в оригинале имя города Назарета сопоставлялось не с чином назорей, а с еврейским словом (в разных передачах *нецер* или *назер*), означающим 'отрасль', которое употреблено в пророчестве Исаии (Ис. 11: 1): "И произойдет отрасль от корня Иессеева"⁹.

Как бы то ни было, подобная трактовка Писания пришлась весьма кстати для обоснования власоращения. Пример Иисуса Христа – назорей, не стригущего своих волос, – звучал весьма убедительно и казался достойным подражания. Ибо "очень естественно, что последователям Христа Спасителя, и наипаче служителям веры по особенному призванию,

вожделенно было подражать Ему не только в духовном, но и во внешнем" (Нечто 1860: 244). Более того, именно апелляция к образу Богочеловека давала новой традиции необходимый вес при сопоставлении с древним обычаем обросения (здесь – Иисус-назорей, там – "терновый венец Христа"¹⁰) и в конечном счете обеспечивала власоращению позицию достойного преемника. Весьма характерно в этой связи рассуждение священника Руднева: "...хорошо делали прежние православные священники, когда выстригали на головах своих гуменца *по образу тернового венца Христа Спасителя*; хорошо делают и нынешние, совершенно не стригушие своих волос, по примеру древних назореев, в подражание Господу Иисусу. *Свят будет растяй власы главы своя* (Чис. 6: 5)" (Руднев 1870: 118).

Что касается апостольского наставления и других в той или иной степени весомых запретов "растить власы", то риторика объяснений подобных предписаний строилась, как правило, на одной из двух стратегий. Первая стратегия удачно описана одним из противников длинных волос из лагеря баптистов: "Защитники такого противозаконного украшения обыкновенно говорят, что апостол Павел говорит не о священниках, ибо слово "муж" надо относить к прихожанам или к мирянам, а не к священникам и монахам, которые в сем случае из общей массы "мужей" совершенно выделяются (Украшение священников 1909: 12). Как видим, суть ее заключалась в том, чтобы вывести священников за рамки действия указанного правила, противопоставив их прочим "мужьям" (мужчинам) и, шире, мирянам.

В другом случае толкователи пытались смягчить строгость предписаний. Примером такой аргументации могут служить разъяснения автора одной из упомянутых выше статей: "Сие изречение Апостола не есть заповедь, а только указание на природу и последующий природой обычай" и "если муж растит власы, то он не заповедь нарушает, а только от обычая отступает", поскольку "есть исключительные обстоятельства, в которых ращение власов мужем имеет более достоинства, нежели стрижение" (Нечто 1860: 241, 242, 244). Удобным дополнением к "неканоничности" запрета стричь волосы служило отсутствие твердых законных предписаний выстригать гуменцо. Священник В. Руднев писал: "Могут спросить: хорошо ли поступили, что оставили такой древний христианский обычай? Отвечаем: обычай, не то, что закон или правило" (Руднев 1870: 117). Допустимость перемен в прическе представлялась, таким образом, очевидной.

Между щегольством и неряшливостью

Вероятно, с тех самых пор, как священники стали отпускать длинные волосы, последние для них превратились в предмет особой гордости. Еще в середине XVII века

антиохийский архидиакон Павел Алеппский писал о русских священниках: "Они (священники. – *В.М.*) всегда держат их (волосы. – *В.М.*) в порядке и часто расчесывают; при том они очень любят смотреться в зеркало, которых в каждом алтаре есть одно или два: в них они постоянно смотрятся, причесываясь и охорашиваясь, без стеснения. Поэтому, при своей солидности, благовоспитанности и крайней учтивости, они внушают к себе почтение" ([Павел Алеппский] 1898: 97).

Так церковь столкнулась с необходимостью не только обосновать благочестивость нового обычая, но и выработать некоторое "учение" относительно того, каким должно быть отношение к своим собственным волосам со стороны каждого отдельного иерея. И коль скоро с отращиванием длинных волос стала связываться определенная и весьма важная символика, вопросы, касающиеся ухода за ними, были исключены из частного рассмотрения их владельцев.

Регламентации, затрагивающие вопросы ухода за волосами, начинали действовать уже по отношению к тем, кто только планировал стать священнослужителем. Судя по всему, юноши начинали отпускать волосы еще в период обучения — и к определенному моменту они достигали такой длины, что их можно было заплетать в косу. Для этого, однако, требовалось особое разрешение начальства, которое, вероятно, автоматически давалось ученику вместе с переходом в определенный класс. Например, в семинарии города Себеж право носить косу получали богословы – учащиеся, перешедшие в последний, девятый класс (Соколов 1906: 49).

Как часть установлений относительно "внешнего приличия" священника, уход за волосами составил один из разделов пастырского богословия – науки о нравственных качествах и обязанностях иереев. Это богословское направление, изучение которого было включено в перечень учебных дисциплин духовных семинарий, оформляется как научная система во второй половине XIX века. Тогда в России выходит в свет целый ряд исследований, объединенных систематическим подходом к изложению пастырства (см. подробно: Иннокентий 1899). И здесь вопросу должного отношения священника к своему телу отводится далеко не последнее место. Уход за собой вменяется священнику в обязанность в той же степени, как и забота о чистоте своей души. "Внешность человека, – сказано в одном классическом труде по пастырскому богословию, – его видимая поступь, походка, телодвижения, образ ведения речи, одежда – служит обнаружением его души и как бы дополнением его нравственной личности" (Певницкий 1885: 130).

Требования к волосам определялись более общими требованиями к "внешнему убранству", а те, в свою очередь, – представлениями о высоте священнического служения.

Протоиерей В. Певницкий рассуждал так: "Как служитель Божий, он (священник. – В.М.) всегда и везде должен выдерживать строгий и степенный характер. Отсюда и во всех внешних приемах его не должно быть ничего резкого, ничего грубого и дерзкого, ничего отзывающегося легкомыслием и обнаруживающего в себе недостаток меры и самообладания; но на всем внешнем виде его должна лежать печать серьезности, скромности и, если возможно, благоговейности, приличной сану священника" (Певницкий 1885: 132).

Прическа священника должна была свидетельствовать о его скромности и сдержанности. Критерий "благоразумной меры" был главным в определении надлежащего вида священнических волос. Лохматые, непричесанные, грязные волосы, равно как и чрезмерно ухоженные и уложенные по светской моде, расценивались как недопустимые для духовенства. В заботе о волосах требовалось избегать крайностей. Слыть щеголем или неряхой было в равной степени непозволительно. И то, и другое роняло достоинство сана. Первое расценивалось как проявление недостойных суетных страстей, второе – как оскорбление того высокого положения, которое занимал священнослужитель. В формулировках того времени "приличная прическа волос" должна быть "без напыщенности, без особенно искусственной кудреватости и без великосветского подрезывания их" (Михайловский 1890: 11) и в то же время иметь опрятный вид: "...когда священник является с нечесаными, всклокоченными волосами, в засаленной грязной одежде <...> чувствуется, что совершенно не таков должен бы быть вид служителя Божия" (Певницкий 1885: 155). Из слов Е.Е. Голубинского, тем не менее, можно заключить, что по отношению к своим волосам священники делились на два лагеря. Он писал: "К удовольствию нынешних священников, которые не особенно жалуют свои длинные волосы, и к скорби священников, которые, наоборот, утешаются ими, мы должны сообщить, что в древнее время дело с их волосами было вовсе не так, как теперь" (Голубинский 1997, 1: 577).

Чувство меры по отношению к собственным волосам воспитывалось заблаговременно. В дисциплинарных журналах семинарий можно было встретить такие записи: "волосы как у барина", "пробор на голове самый тщательный", "волосы острижены очень с изысканностью". Все эти проступки хотя и относились к числу мелких, но все же попадали под наказание (Леонтьева 2002: 69-70).

Самыми строгими, безусловно, были оценки внешнего вида священника, совершающего богослужение. "В это время вся внешность его должна быть приведена в такой порядок, чтобы видящие его по виду его могли заметить, что он идет совершать великое и святое дело Божие" (Певницкий 1885: 156). Не случайно протоиерей А.

Ковальницкий включал уход за волосами в список тех "мелочей", которые имели ближайшее отношение к богослужебной деятельности. Он советовал священникам перед выходом из дома на литургию поправлять на себе платье и волосы и следить за тем, чтобы волосы были причесанными и всегда находились в "безукоризненном приличии" (Ковальницкий 1901: 22, 34). В литературе, адресованной священникам, можно встретить и такие рекомендации: "При открытых дверях или во время стояния посреди храма священник служащий не должен в виду всех заниматься убранством и благоустройством своей головы и лица; все это и подобное должно заблаговременно упорядочить в стороне" (Михайловский 1890: 8-9). Симптоматично, что прилюдное символическое расчесывание волос гребнем посреди храма во время богослужения служило частью ритуального облачения епископа. Уход за собой во время богослужения был допустим только в контексте обряда, как его составная часть, в противном случае, будучи "мирским" делом, расценивался как оскорбление священнодействия¹¹.

Волосы и идеология

Интересующая нас история имела одну важную особенность: в переходные для церкви времена длинные волосы начинали связываться с определенной идеологией и прочитываться как символ тех или иных идейных течений.

Возможно, впервые эта связь проявилась во времена церковных реформ второй половины XVII века, в то самое время, когда прическа священника представляла собой некий переходный тип: волосы уже не обрезались, но маковку продолжал венчать "терновый венец". Несмотря на то что преобразования Никона собственно волос, как кажется, не затронули, происходящие перемены все же способствовали окончательному утверждению нового обычая "растить власы". мода на власоращение хорошо "вписалась" в те тенденции, которые характеризовали время реформ с их ориентацией на греческие образцы. Не случайно поэтому, что для противников преобразований власоращение становится знаком новообрядцев. Наряду с другими действительно новыми деталями во внешнем облике священников¹² длинные волосы начинают выражать идею перемен и формировать образ "никоновского" попа. На одной сравнительной религиозной картинке символов старого и нового времени можно заметить и отличие в прическах духовных лиц: "никоновский" поп изображен с длинными волосами, в то время как старообрядец – с подстриженными (Тарасов 1995: 87, ил. 20). Как говорил о новообрядцах писатель-старовер Иван Васильев: "Власоращение, париконошение и брадобритие оправдывают в своих книгах и не вменяют сего во грех" (Тарасов 1995: 92). Не случайно расчесанные, как у девки, волосы

– деталь карикатурного образа "новолюбца", созданного протопопом Аввакумом: "В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя в карете на подушки, расчесав волосы, что девка, да едет, выставив рожу на площади" (Аввакум 1997: 220-221).

Длинные волосы священников опять оказываются в центре общественного внимания во второй половине XIX – начале XX века, в период бурного обсуждения дальнейшей судьбы церкви. К этому времени власоращение уже прочно вошло в быт духовенства и стало неотъемлемой частью образа "попа". Однако та "архаичность" обычая "растить власы", которая привлекала к себе консервативных священников, отталкивала сторонников перемен. В их глазах "древность" оборачивалась "дремучестью": длинные волосы становятся воплощением отсталости и неразвитости в той же степени, что и длиннополая ряса и борода. Споры о волосах становятся частью споров о внешнем виде священника будущего и напрямую соотносятся с вопросом об улучшении быта духовенства. Среди иереев, особенно молодых, появляются поклонники светских коротких стрижек.

Для "длинноволосых" их образ был проявлением фундаментального принципа разграничения "своих" и "чужих", "внешним отличием" священнического "звания". Протоиерей А. Ковальницкий замечал: "...волосами, как и костюмом, православный священник резко выделяется среди общества, <...> резкое отличие священника по его внешнему виду сразу указывает обществу на священника как на лицо, у которого оно должно учиться христианским добродетелям" (Ковальницкий 1901: 34). Посягательства на одежду и волосы расценивались как последовательное проявление "нелюбви" мира ко всему "немирскому" в пастырях: "Кому-то опять помешали священнические "хламиды" и священнические "гривы", как бельмо на глазу", – писал один обозреватель (З. 1878: 402). Священнослужители из консерваторов настаивали на "нравственной целесообразности" традиции отпускать волосы и указывали на прямую зависимость между одеждой и самодисциплиной. "Не во все те места идут священники, куда увлекает вихрь современной распущенности обыкновенного человека, и это еще поддерживает священника на некотором нравственном пьедестале", – писал священник Василий Яхонтов (Яхонтов 1878: 16). Заботы и попечение о переменах кажутся им непрошеными и безосновательными. Возможность преобразований вызывает опасения, что перемены внешние могут привести к переменам внутренним: "...существенные изменения в одеждах имеют своим неизменным последствием изменение в направлении духа, движущего людьми" (Певницкий 1885: 147). Несмотря на то что вопрос о каноничности власоращения уходит на второй план по сравнению с вопросом о целесообразности, адепты старых традиций все же напоминают:

"Для священника, сознающего свое назоретство (так! – В.М.) пред Богом, наша грива – дорогой для нас символ" (Яхонтов 1878: 16).

Одним из проповедников передовых взглядов становится журнал "Церковно-общественный вестник", на страницах которого в конце 70-х годов XIX в. активно критикуется привязанность православного духовенства к своей "духовной вывеске". Длинные волосы и широкополые рясы предлагается сдать "в исторические музеумы" (Мирянин 1878: 4) и переменить их в согласии со вкусами времени. "Не осрамить вас желает мир, а сделать приличнее", – писал, обращаясь к священникам, один из сторонников реформ в одежде¹³ (З. 1878: 5). Светский костюм и стрижка кажутся панацеей от издевательств народа и способом сблизить пастыря с паствой. Ссылки на ветхозаветных назореев трактуются как натянутые; связь между назореями и современными священниками оспаривается (З. 1878: 5; Украшение священников 1909: 12).

Длинные волосы становятся внешним проявлением "старой" идеологии. Не случайно поэтому, что сторонник реформ Е. Голубинский в своей статье "Русская церковь в отношении к желаемым в ней улучшениям" наряду с предложениями о переменах в управлении, богослужении, образовании, пастырстве, миссионерстве, свободе слова и др. не преминул, тем не менее, оговорить отдельным пунктом необходимость приходскому духовенству и монашеству "головой стричь" (Голубинский 1913: 98, 99).

В советское время, в годы навязывания атеистической идеологии, особое звучание получает идея христианского проповедничества через внешние знаки (см., напр.: Теодорович 1927). Симптоматично, что в разговорах о волосах появляются "военные" метафоры. Именуя священников "духовной армией", протопресвитер Т. Теодорович размышляет о "соответствующем покрове волос" (и о длинной широкой одежде) как о "духовном мундире" (Теодорович 1927: 15, 24)¹⁴. Между тем в отношении к волосам наблюдается очередной перекосяк. "В моду" входит вид подчеркнуто старомодного, то есть чрезмерно обросшего, батюшки. И это не случайно: после времен обновления церкви и гонений на ее служителей длинные волосы священников становятся важным признаком неповрежденного православия. Известный мыслитель и диссидент священник Сергей Желудков писал в 1963 году: "А в последнее время появились эксцентрики, которые заплетают свои православные волосы в косы, в женские прически – и в таком виде облачаются в священные ризы, предстоят алтарю. <...> В высшей степени удивительно, загадочно – как архиереи и народ церковный могут терпеть это кощунственное уродство" (Желудков – интернет-сайт). Видные церковные деятели говорят даже о "культе волос". В одном из своих писем Д.И. Огицкий отмечал: "Святые отцы обрезали и выметали их

(волосы. – В.М.) вместе с мусором, как мы это делаем с обрезанными ногтями или шелухой от семечек. У нас же в религиозном сознании большинства иерейский волос превратился в святыню, в неперемное условие благодатности, в нечто почти столь же обязательное, как антиминс"¹⁵ (Переписка Д.И. Огицкого – интернет-сайт).

Нарастает обеспокоенность, что "карикатурная волосатость" может навредить церковному делу. Звучат призывы к соблюдению "внешней чистоты" и "элементарной опрятности". Требования умеренности вновь становятся актуальными. "В общем, я за длинные волосы, но не непомерно длинные" – писал Д.И. Огицкий (Переписка Д.И. Огицкого – интернет-сайт). Профессор архимандрит Киприан (Керн) учил: "Умеренно подстриженные волосы, подровненная борода и в меру укороченные усы никак не могут уменьшить духовности священника и подать повод к упреку в щегольстве" (Архимандрит Киприан 1996: 92).

В современной России длинные волосы священников по-прежнему остаются их важным отличительным признаком. Однако, как кажется, споры вокруг них поутихли – настало время стабилизации. Иереям предоставлена бóльшая свобода в выборе своего головного убранства. Осведомленных мирян, как и раньше, волнует апостольская заповедь о запрещении "растить власы", и вопрос "почему священники носят длинные волосы" – весьма популярен на сайтах в Интернете, где предусмотрено общение пастырей с пасомыми. Ответы священников традиционны и опираются на противопоставление "мира" и "клира"¹⁶. История длинных волос продолжается.

Литература

Аввакум 1997 – Аввакум, протопоп. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1997.

Архимандрит Киприан 1996 – Архимандрит Киприан, профессор. Православное пастырское служение. СПб., 1996.

Брикнер 1996 – Брикнер А. История Петра Великого. В 2 т. М., 1996.

Булгаков 1913 – Булгаков С. – Настольная книга для священно-церковно служителей. (Сборник сведений касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). Киев, 1913.

Голубинский 1913 – Голубинский Е. Русская церковь в отношении к желаемым в ней улучшениям // О реформе и быте русской церкви. Сборник статей. М., 1913.

Голубинский 1997 – Голубинский Е. История русской церкви. В 3 т. М., 1997.

Даль 2000 – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 2000.

Дмитриевский 1904 – Дмитриевский А., профессор. Ставленник. Руководство для священно-церковно-служителей и избранных в епископа, при их хиротониях, посвящениях и награждениях знаками духовных отличий, с подробным объяснением всех обрядов и молитвословий. Киев, 1904.

Желудков – [интернет-сайт](#) – Желудков С., священник. Литургические заметки.

3. 1878 – 3. Журнальные и газетные толки об одежде служащего духовенства православной церкви // Руководство для сельских пастырей. 1878. N 46.

Знаменский 2003 – Знаменский П. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. СПб., 2003.

Иннокентий 1899 – Иннокентий, иеромонах. Пастырское богословие в России за XIX век. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1899.

Ковальницкий 1901 – Ковальницкий А., протоиерей. Мелочи в обыденной жизни священника. Варшава, 1901.

Леонтьева 2002 – Леонтьева Т. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.

Малеин 1910 – Малеин И. Мои воспоминания. С портретом и факсимиле автора. Тверь, 1910.

Мирянин 1878 – Мирянин. О волосах священников // Церковно-общественный вестник. 1878. N 152.

Михайловский 1890 – Михайловский В. О благочинии в храме, особенно во время богослужения. СПб., 1890.

Неселовский 1906 – Неселовский А. Чины хиротесий и хиротоний (опыт историко-археологического исследования). Каменец-Подольск, 1906.

Нечто 1860 – Нечто о ращении власов // Творения святых отцов в русском переводе, с прибавлениями духовного содержания, издаваемые при Московской духовной академии. М., 1860. Кн. 2.

Никольский 1889 – Никольский К., протоиерей. О священных одеждах церковнослужителей // Христианское чтение. 1889. Март-апрель.

Олеарий 1906 – Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

[*Павел Алеппский*] 1898 – [Павел Алеппский, архидиакон]. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII веке. (Извлечение). СПб., 1898.

Певницкий 1885 – Певницкий В. Священник. Приготовление к священству и жизнь священника. Киев, 1885.

Переписка Д.И. Огицкого – [интернет-сайт](#) – Переписка Д.И. Огицкого с епископом Афанасием (Сахаровым).

Перри 1871 – Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе // Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете. М., 1871.

Постановления апостольские 1864 – Постановления апостольские (в русском переводе). Казань, 1864.

Правила 1994 – Правила православной церкви: С толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. В 2 т. М., 1994 (репринтное издание 1911 г.).

Розанов 1882 – Розанов А. Записки сельского священника: Быт и нужды православного духовенства. СПб., 1882.

Руднев 1870 – Руднев В., священник. Нечто о поповских гуменцах // Душеполезное чтение. 1870. Декабрь.

Святитель Николай Сербский – [интернет-сайт](#) – Святитель Николай Сербский. Миссионерские письма.

Сказания 1847 – Сказания древних путешественников // Московские губернские ведомости. 1847. N 10. Отдел второй, часть неофициальная.

Соколов 1906 – Соколов Н. Воспоминания и Автобиография одесского протоиерея Николая Ивановича Соколова // Киевская старина. 1906. Т. 93. N 5/6.

Срезневский 2003 – Срезневский И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. М., 2003.

Тарасов 1995 – Тарасов О. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995.

Теодорович 1927 – Теодорович Т., протопресвитер. Из области церковной дисциплины. Варшава, 1927.

Украшение священников 1909 – Украшение священников // Баптист. 1909. N 10.

Фасмер 1996 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. СПб., 1996.

Яхонтов 1878 – Яхонтов Василий, священник. Любопытные соображения об улучшении быта духовенства (письмо в редакцию) // Церковный вестник. 1878. N 39.

[Полит.ру](#)

<http://kiev-orthodox.org:80/site/personalities/1811/>

Примечания

-
- ¹ См., напр., грамоту XVI века, где говорится, что "у соборных старост, и у игуменов, и у попов, и у дьяков у посадских, и у пригородских, и у сельских, с местных и не с местных, с плещи по полтине..." (Знаменский 2003: 138).
- ² Вот описание, сохранившееся в одном рукописном чине: "...таж перекрестит главу его трижды рукою и постригает и крестообразно глаголя: Во имя Отца и Сына и Святого Духа. <...> Таже неким от клириков постригаема бывает плешь его" (Никольский 1889: 386, сноска 2).
- ³ О значении этого признака можно судить из письма царевича Алексея Якову Игнатову: "Священника мы при себе не имеем и взять негде... приищи священника, кому можно тайну сию поверить, нестарого и чтоб незнаемый был всеми. И изволь ему объявить, чтобы он поехал ко мне тайно, сложа священнические признаки, т.е. обрил бороду и усы, такожде и гуменца заростить, или всю голову обрить и надеть волосы накладные и немецкое платье надевать" (Брикнер 1996, 1: 319).
- ⁴ Хиротесия, в переводе с греческого языка, руковозложение, хиротония – рукопротяжение. Хиротесия бывает при посвящении в низшие церковные должности (чтеца, певца, иподиакона), хиротония – при посвящении в диакона, пресвитера (священника) и епископа. В современном словоупотреблении понятия несколько перепутаны: посвящение в священника называют "рукоположением", а о хиротонии говорят лишь применительно к посвящению в епископа.
- ⁵ Чиновник архиерейского священнослужения – это служебник, заключающий в себе те обряды и молитвословия, которые бывают только при архиерейском богослужении (чины посвящения чтеца, диакона, священника, освящения антиминса и др.).
- ⁶ "Красоты, данной тебе от природы Богом, не разукрашивай, но смиренномудренно умеряй ее пред людьми. Так, волос космы своей не отращивай, но лучше подрезывай и обстригай ее. <...> Ибо тебе, верующему и человеку Божию, непозволительно отращать волосы на голове и собирать их воедино, т.е. в косу, или завивать их, или беречь их не обстриженными, равно как взивать их, или чрез расческу и завивку делать их кудрявыми, или подкрашивать их" (Постановления апостольские 1864: 5-6).
- ⁷ "Власы на голове, ко вреду зрящих, искусственными плетениями располагающих и убирающих, и таким образом неутвержденные души прельщающих, отечески врачуем приличною епитимиею" (Правила 1994, 1: 591). В славянской Кормчей это правило истолковано так: "...растящие власы главы своея, и на долзе пушающе, и плетуще, или виюще, или шаряще, и творяще белы, или чермны, или русы, на вред простейших и лениво живущих человек, таковых святыи собор отлучити повеле" (Неселовский 1906: 13).
- ⁸ Длинные волосы осуждали, например, Епифаний Кипрский, Феодор Студит, блаженный Иероним, святой Симеон Новый Богослов, святитель Кирилл Александрийский и др.
- ⁹ Выражаю глубокую благодарность Г.А. Левинтону за разъяснение данного вопроса.
- ¹⁰ Показательно, что и прочие маргинальные объяснения обычая власоращения так или иначе связывали его с Христом. Вот пример: "Волосы, по православному древнему обычаю, священник носит длинные в ознаменование свободы, данной нам во Христе, в ознаменование того, что "Христос, пришедый в мир и приемый зрак раба, освободил нас в свободу славы чад Божиих" (Ковальницкий 1901: 33-34).
- ¹¹ Прилюдные манипуляции священников с волосами во время богослужений чреваты их ошибочным толкованием со стороны прихожан. В 2000 году во время экспедиции в Гдовский район Псковской области мы были свидетелями следующей картины. На почитаемом месте Пещёрка шел молебен. Присутствующие на нем женщины сидели. В какой-то момент священник, продолжая стоять к прихожанкам спиной, решил поправить волосы: он снял резинку со своего "хвоста" и потрянул головой. Эффект был удивительный: все женщины встали со своих мест и начали креститься, вероятно, полагая, что манипуляции с волосами указывают на какое-то важное место в богослужении. Спасибо Сергею Штыркову за то, что он в свое время обратил мое внимание на происходящее.

¹² Так, патриарх Никон покровительствовал "моде" на иноземные рясы и камилавки (головные уборы цилиндрической формы), что в среде оппозиционно настроенного духовенства расценивалось как попрание "отцы-преданного" "словенского" обычая ходить в однорядках и скуфьях (см. челобитную Никиты Пустосвята – Невоструев 1867: 284).

¹³ Ср. с диаметрально противоположным представлением о приличии священников-консерваторов: "...приличие не позволяет священнику стричь волосы на голове и брить бороду" (Певницкий 1885: 141).

¹⁴ Подобное можно найти и в миссионерских письмах епископа Николая (ныне святителя Николая Сербского), который называл священников "офицерами" Царя Небесного, а их волосы – частью "униформы" (святитель Николай Сербский).

¹⁵ Антиминс – плат, на котором можно совершать богослужение и который заменяет престол.

¹⁶ Вот характерные примеры. Из [ответа священника Михаила Воробьева](#) (г. Вольск, Саратовская епархия): "В принципе эта новая традиция не противоречила мнению апостола Павла, указания которого касались главным образом мирян. Священство в силу самой своей природы должно быть выделено в среде верующего народа, в том числе и внешними средствами. В этом заключается общий культурологический принцип отличия сакрального от профанного". Из [ответа архиепископа Викентия на вопросы уральцев в студии радиостанции Екатеринбургской епархии "Воскресение"](#): "Можно посмотреть на Священное Писание, где есть указание на то, что священнослужители, как и все христиане, "не от мира сего". И как еще одно отречение от благ современного мира, батюшки носят длинные волосы и бороду".